

**НИКОЛЬСКИЙ СОБОР АНТОНИЕВА КРАСНОХОЛМСКОГО
МОНАСТЫРЯ**

(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XV В.)

В русской архитектуре XV в. 70—90-е гг. проходят под знаком бурного развития московского зодчества, которое в это время не только играет ведущую роль, но и превращается из сугубо регионального в общерусское. Этот процесс тесно связан с общим развитием Московского княжества, стоящего во главе объединения русских земель, которые в указанное время превращаются в единое централизованное Русское государство. В этих условиях великий князь Иван III предпринимает коренную перестройку своей резиденции — Московского Кремля, уже не отвечавшей его новому положению как государя всея Руси.

Кремлевское строительство, развернувшееся в исключительно широких масштабах в последней четверти XV в., сосредоточило вокруг себя основные архитектурно-строительные кадры Руси, привлекаемые из разных земель. Более того, в нем приняли самое активное участие иностранные, «фряжские» зодчие, выписанные специально по распоряжению Ивана III из Италии, наиболее передовой тогда в архитектурно-строительном деле страны Западной Европы.

На этом фоне гораздо скромнее выглядело строительство, которое велось в других землях Московской Руси в тот период. Здесь необходимо назвать, прежде всего, такие удельные центры, как Волоколамск, Углич, Можайск, Боровск и Серпухов, а также северные земли, охваченные монастырской колонизацией.

И если московская архитектура уже давно стала предметом тщательного изучения, то памятники периферийных центров лишь в последнее время начинают привлекать к себе внимание исследователей¹. В этом отношении сделаны еще только первые шаги, причем ряд сооружений остается, по сути дела, не только не

исследованными и не введенными в научный обиход, но и почти совсем неизвестными.

Одной из таких малоизвестных построек, до сих пор практически остававшейся вне поля зрения ученых, является Никольский собор Антониева Николаевского Краснохолмского монастыря². Построенный в 80—90-е гг. XV в., он представляет собой очень интересное для своей эпохи сооружение. Находится собор на окраине небольшого города Красный Холм, районного центра на востоке Тверской области. К настоящему времени здание сохранилось в сильно руинированном виде, однако имеются данные, как документальные, так и иллюстративно-графического характера³, которые позволяют достаточно точно воссоздать его архитектурный облик и провести анализ его художественно-стилистических форм. Тем более что собор, как мы убедимся далее, исключительно своеобразен и при этом дает возможность гораздо глубже проникнуть в процесс развития русской архитектуры последней трети XV в., особенно в удельных центрах Московского государства.

Итак, прежде всего, необходимо ответить на вопросы, когда, где и в связи, с чем был построен этот памятник. Ответ на них в основном содержится в хранившейся в Антониеве монастыре рукописи, которая имела следующее название: «Летописец о зачатии Бежецкаго Верху Николаевского монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и бояр и прочих благодетелей». Писанная полууставом на 9 листах рукопись явно относилась к концу XVI в. о чем свидетельствуют изложенные в ее тексте события, доведенные именно до указанного времени. Правда, известна летопись в копии. До 1778 г. подлинник находился в монастырском архиве, а 21 декабря был отослан в Тверскую консисторию, где к концу XIX в. его не оказалось. По оставшейся в монастыре копии летопись и была дважды издана⁴.

Согласно летописи, монастырь был основан в 1461 г. при Василии Темном неким выходцем из Белозерья, старцем Антонием, иноком и пустынножителем одного из тамошних монастырей. Придя град Городец (так именуется летопись местный центр Бежецк, в действительности называвшийся тогда Бежецкий Верх),

Антоний испросил разрешения у владельца окружающих земель, боярина А. В. Нелединского-Мелецкого создать в его вотчинах часовню «для пропитания» и келью «для упокоения». Согласие было дано, и на берегу речки Неледины, при впадении ее в р. Могочу, возникла маленькая пустынька.

Основание пустыни, как и дальнейшая ее история, очень характерны для возникновения большинства монастырей на Руси в XIV—XVI вв., в эпоху широкой монастырской колонизации северных земель⁵. Уединение Антония продолжалось недолго. К старцу стали стекаться различные люди, привлеченные его святостью. В результате вскоре здесь по инициативе Антония создается деревянный храм Николы и возникает монастырь, обнесенный деревянной оградой.

Основанный монастырь пользовался благосклонностью и щедротами не только покровителей Антония, семьи Нелединских-Мелецких, но и самого угличского князя Андрея Большого, брата Ивана III, который получил Бежецкий Верх в числе прочих земель в удел в 1462 г., после смерти Василия Темного. Об этом прямо говорит приобретение монастырем в качестве вклада от князя после его кончины в 1493 г. ряда крупных земельных пожертвований⁶.

Наличие значительных средств позволило Антонию приступить к сооружению в монастыре каменного соборного храма во имя Николы. Здание было заложено в 1481 г., однако старец не дождался окончания работ. В 1482 г. он умер, а строительство продолжил избранный из числа братии его преемником Герман. Стараниями Германа строительство собора было закончено, причем здание было украшено многими иконами, обильно снабжено книгами и богатой утварью, после чего освящено.

В летописи, вообще довольно скудной на подробности и детали, не приведено ни даты окончания строительства собора, ни его освящения. Опираясь на то, что это произошло при Германе, можно считать крайней границей создания памятника время окончания его настоятельства, т. е. 1493 г. Вероятнее всего, здание было сооружено в 80-е гг. XV в. или даже в первой половине 80-х гг. Четырех—пяти лет было вполне достаточно для его постройки, исходя из строительной практики тех лет⁷.

Сам монастырь при Германе явно процветал. Недаром этот настоятель получает от новгородского владыки, в подчинении которого находилась тогда обитель и вся округа, титул игумена вместо прежнего «строителя». Свое благосостояние монастырь сохраняет и в течение конца XV и всего XVI в., о чем велеречиво сообщает летопись: «И многие великие князи и бояре от имени своего в тот Антонов монастырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно даваху и вотчины своя в предбудущия лета, ради наследия вечных благ и вечного поминовения родителей своих, на пропитание игумена и братии в тот Антонов монастырь отдаваху и благодатию всесильного, в Троице славимаго Бога, и молитвами Пречистыя Его Матери и угодника их, великаго в иерархах Чудотворца Николая, та святая обитель вельми распространяшеся»⁸.

Действительно, вскоре после возведения собора в монастыре было начато сооружение еще одного здания — трапезной палаты с церковью Дмитрия Солунского⁹. «Лета 7002 года (т. е. в 1494 г.— В. В.) нача в том... монастыре в преславное украшение той всечестной обители созидатися церковь каменная с трапезною... и со иными палаты, во употребление монастырских ради служб». Исходя из замечания в тексте, что здание «совершися не по мнзех летех», можно считать его полностью возведенным к концу 1490-х гг.

Наличие в монастыре к концу XV в. двух каменных зданий — собора и трапезной палаты с теплой церковью — ставит его в один ряд с наиболее крупными и известными московскими обителями тех лет. Не многие из них могли в то время «похвастать» несколькими каменными зданиями. Лишь такие крупнейшие монастыри, как Троице-Сергиев, Чудов и Симонов, имели тогда, кроме собора, еще и каменную палату для трапез с храмом при ней.

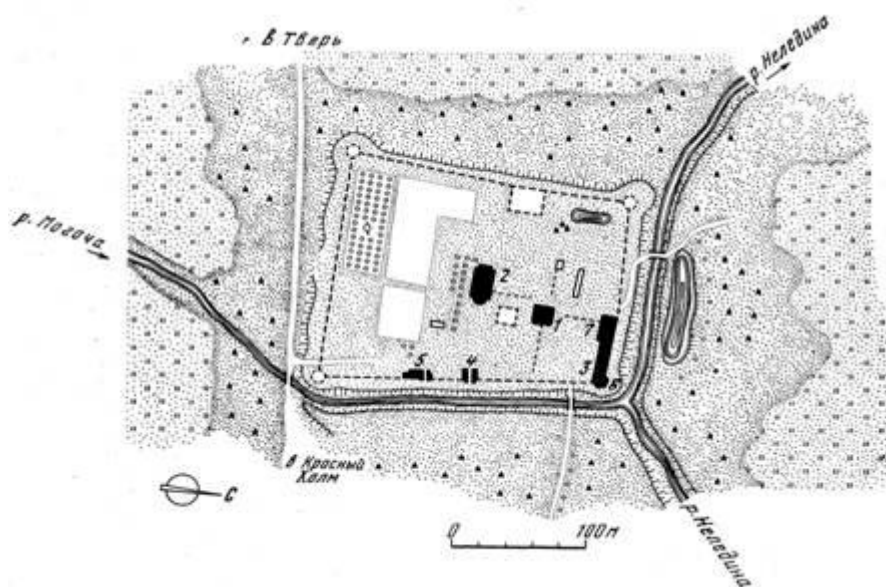
Последующее монументальное строительство в Антониеве монастыре относится к гораздо более позднему времени — к концу XVI и XVII вв. Другие строения его, известные по целому ряду сохранившихся монастырских описей XVI–XVII вв., в интересующий нас период оставались деревянными. Мы не будем их перечислять, так как рассмотрение истории сложения монастырского ансамбля

не входит в нашу задачу. Укажем лишь на те изменения и перестройки, которые касались зданий XV в. — собора и трапезной.

Трапезная палата с церковью Дмитрия Солунского, видимо, уже к концу XVI в. обветшала и была разобрана. Вместо нее грамотой царя Федора Иоанновича было разрешено строить новое здание трапезной с церковью Покрова и приделом Дмитрия при ней. К приготовлению материалов для этого здания приступили в 1587 г., когда начали ломку на Могоче белого камня для фундаментов и извести. А около 1592 г. вся постройка была уже полностью завершена ¹⁰.

Общий вид Антониева Краснохолмского монастыря с собором, кельями, трапезной и церковью Вознесения

Антониев Краснохолмский монастырь. План

1—Никольский собор. 1480-е годы; 2 — церковь Покрова (трапезная). 1590—1594 гг.; 3 — Братские кельи. 1685 г.; 4 — церковь Вознесения. 1690 г.; 5 — Братский малый корпус над проездными воротами. 1690—1697 гг.; 6 — северо-восточная башня. 1697 г.; 7 — Настоятельские кельи. 1748 г.

Собору посчастливилось гораздо больше. Несмотря на отдельные переделки и достройки, он сохранялся в сравнительно хорошем состоянии вплоть до 1930-х гг. В эти годы здание сильно пострадало, лишившись всех сводов с главой, апсид алтаря и столбов внутри. К настоящему времени от него остались только три стены — северная, западная, южная — почти на всю свою высоту. От завершающих их закомар сохранились нижние части примерно на половину—треть прежней своей высоты. А от апсид остались лишь небольшие фрагменты северной и южной стен, примыкающих к соответствующим стенам храма.

Для того, чтобы правильно представить первоначальный облик собора, охарактеризуем вкратце те изменения, которые были внесены в его архитектуру в течение всего существования здания вплоть до его частичного разрушения в 1930-е гг.

Древнейшие монастырские описи XVI в.¹¹ хранят молчание о каких-либо перестройках собора, которые, как показывают документы, активно

предпринимаются лишь с XVII в. Сопоставление этих описей с монастырской летописью, которая также охватывает весь XVI в. и ни словом не упоминает о каких-либо работах по собору, дает основание считать, что в указанном столетии здание не подвергалось существенным изменениям. Известно лишь по описи 1585 г., что в собор были пожертвованы резные царские врата для иконостаса архимандритом новгородского Юрьева монастыря Варфоломеем (1558—1564), который перед этим был игуменом Краснохолмского Антониева монастыря¹².

Всевозможные переделки начинаются с 1606 г., когда была устроена новая тесовая кровля собора, а его главы обиты белым немецким железом, купленным в Вологде¹³. После пожара 1634 г. в течение двух лет собор был вновь покрыт тесом, сделаны новые «деревянные главы», обитые белой жостью, а большой крест вызолочен. В середине XVII в. с западной и частично южной сторон пристроена паперть, впервые упомянутая в описи 1663 г., а в 1690 г. в ее угловой части сооружен небольшой придельный храм Всех Святых. К этому времени интерьер собора был украшен стенописями, выполненными в 1683 г. на средства стольника Я. В. Нелединского-Мелецкого. В 1685 г. в связи с сооружением в монастыре каменных казенных палат с больничными кельями и церковью Благовещения при них одноименный придел в соборе упразднили. В 1693 г. в соборе создан «иждивением» П. И. Нелединской, жены вышеупомянутого стольника, новый пятирусный иконостас¹⁴.

Различные переделки собора продолжались и в XVIII—XIX вв. В 1751 г. устроен новый, чугунный пол, замененный позднее, в 1858 г., на деревянный. В 1754 г. с северной стороны собора сооружена паперть; в 1763 г. на храме вместе с алтарем впервые сделана железная кровля по железным стропилам, а деревянную главу на барабане заменили железной. В 1799 г. расширены оконные проемы, один — в средней апсиде алтаря и другой — в северной стене. Около 1814 г. разобрана паперть с южной стороны¹⁵. Остальные переделки в XIX в. были незначительными. В таком виде собор существовал до 1930-х гг., когда в результате варварского разрушения значительной части здания все примыкавшие к нему паперти с притворами, а также придел Всех Святых оказались также полностью разобранными¹⁶.

Итак, время все-таки пощадило этот древний и довольно редкий памятник, к стати говоря, явно нуждающийся в скорейшем восстановлении. Архитектура его отнюдь не заурядна и, как мы уже указывали, представляет собой исключительно интересный образец русского зодчества последней четверти XV в. Несмотря на свое нынешнее местоположение в пределах Тверской области (бывшая Тверская губерния), собор, тем не менее, не имеет никакого отношения к тверской архитектуре, а является произведением московского зодчества. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что Бежецкий Верх в XV в. принадлежал к землям Московского княжества, обязательно упоминаясь в духовных великих князей¹⁷. Полностью подтверждает это и сам характер архитектурных форм собора, к описанию и анализу которых мы и переходим.

Прежде всего, обращает на себя внимание строительный материал, из которого сооружен собор. Построен он в технике смешанной кладки: стены сложены из белого камня, а своды — из кирпича. Белокаменные блоки прямоугольной формы образуют две параллельные стенки, не перевязанные между собой; пространство между ними заполнено обломками камня, щебнем и залито известью. Эта так называемая полубутовая кладка хорошо видна в местах разрушения стен — фрагментах алтарных апсид. Сохранившиеся же остатки сводов, а также фрагменты пят арок на внутренней стороне стен свидетельствуют о кирпичной кладке этих частей здания. Из кирпича был возведен также барабан главы, что хорошо заметно на ряде старых фотографий.

Такая строительная техника была свойственна целому ряду московских построек второй половины XV—начала XVI в. Она встречается в самых различных памятниках, среди которых такие крупнейшие сооружения, как Успенский собор Московского Кремля (1475—1479), и одновременно небольшие здания, как, например, церковь Трифона в Напрудном (начало XVI в.). В смешанной технике возводились постройки и в подмосковных резиденциях великих князей (Покровский собор Александровской слободы 1512 г.), и в удельных центрах (Воскресенский собор в Волоколамске 80—90-х гг. XV в.). летописи сообщают, что из белого камня и кирпича были сооружены еще ранее, в 50—70-х гг. XV в., церковь Воздвижения Креста (1450), собор Вознесенского монастыря (1467)

палаты Геронтия на митрополичьем дворе (1473—1474) в Кремле и трапезная палата в Троице-Сергиеве монастыре (1469)¹⁸.

Московская архитектура, как известно, в середине XV в. отказывается от прежней, белокаменной техники возведения зданий, типичной для раннемосковского зодчества, заменяя ее новой, кирпичной. Этот переход к кирпичному строительству, однако, не был столь быстрым и резким; он значительно затянулся, захватив всю третью четверть века. В это время и появляются здания, в которых белый камень нередко сочетается с кирпичом¹⁹.

С другой стороны, применение белого камня с кирпичом в постройках последней четверти XV—начала XVI в., особенно возводимых приезжими зодчими — «фрязинами», уже нельзя обуславливать просто возвращением к московской традиции. Оно скорее зависит от каких-либо особых условий строительства, как это можно заключить по кремлевскому Успенскому собору. Поэтому сама по себе смешанная техника кладки зданий указанного периода еще ни о чем не говорит, а нуждается в дополнительном изучении других сторон их архитектуры, чтобы конкретно решить вопрос о причинах ее появления. Очевидно, именно так обстоит дело и в отношении Никольского собора, строительная техника которого может свидетельствовать только в пользу указанной в описи его датировки.

Белокаменные блоки собора имеют прямоугольную форму и различные размеры. Кладка их рядовая, с обращенными на лицевую сторону «ложками». Внизу стен использованы по преимуществу более крупные камни, а выше они становятся значительно меньше. Сами стены снаружи первоначально не имели ни обмазки, ни штукатурки. Поэтому уменьшение размеров камня зрительно создавало впечатление облегчения стены кверху, придавая «основанию» всей постройки большую прочность и незыблемость. Такой прием, между прочим, неоднократно использовался в раннемосковских храмах рубежа XIV—XV вв.

Важной конструктивно-технической особенностью собора является форма использованных в нем связей. Разрушения восточной стены сделали хорошо заметными пустые каналы внутри кладки южной и северной стен здания. Эти каналы — явные остатки прежде находившихся, затем сгнивших деревянных

связей. Они имели форму брусьев, которые проходили внутри стен в двух уровнях: один — по линии подоконников основных оконных проемов западной и южной стен, а другой — по линии верха внутренних откосов северного оконного проема, ниже наружного карниза на два ряда кладки. Эти последние хорошо видны и по каналам, которые находятся в оставшихся частях малых подпружных арок на внутренней поверхности стен.

Деревянные связи подобного типа широко использовались в русской архитектуре с древнейших времен. Применялись они и в большинстве построек второй половины XV—начала XVI в. Правда, в эту эпоху появляются железные кованые связи, впервые введенные Аристотелем Фиораванти в конструкции кремлевского Успенского собора (1475—1479)²⁰. Но они далеко не сразу находят повсеместное распространение, завоевав широкое признание в практике русских зодчих только со второй половины XVI в. Да и в сооружениях, выполненных приезжими «фряжинами» на московской почве, не всегда использовались железные связи.

Переходя к рассмотрению общих типологических особенностей собора Антониева монастыря, прежде всего, отметим, что по своему архитектурному типу он представляет собой крестовокупольный храм, четырехстолпный и трехапсидный, без подклета и с одной световой главой. Его основной объем — крупный, но сравнительно невысокий четверик, в плане близкий к квадрату. Общая длина здания без апсид (по внешнему контуру) — 16,43 м, ширина — 16,20 м, высота до закомар — 9,60 м. Поставленный прямо на землю, с массивными стенами, толщина которых достигала 1,72 м, собор производил впечатление несколько грузного и приземистого здания, исполненного в то же самое время какой-то особой внутренней собранности, мощи и силы. Большие полукруглые апсиды примыкали с востока к четверику, равняясь по высоте почти $\frac{3}{4}$ его объема. Мощный цилиндрический барабан с узкими щелевидными проемами и большой луковичной главой венчал здание.

Подобный тип храма был самым распространенным в московском зодчестве XIV—XV вв. Да и в строительстве ближайшей собору Антониева монастыря эпохи

— второй половины XV—начала XVI в.— такие культовые здания составляли большинство. Достаточно назвать Благовещенский собор и церковь Ризоположения в Московском Кремле, соборы в Волоколамске и Угличе или в северных монастырях — Спасо-Каменном и Ферапонтове. Правда, обычно эти храмы были водружены на подклет или высокое подцерковье, которое отсутствовало у нашего собора. Но это отнюдь не делало его уникальным, подклетов не имел целый ряд построек рассматриваемой эпохи, в том числе соборы монастырей Кирилло-Белозерского, Покровского Паисиева в Угличе и Рождественского в Москве и Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры. Истоки подобных решений ведут нас к памятникам раннемосковского зодчества, для которых отсутствие подклета было одной из характерных черт.

Любопытно, что и другая особенность архитектурной композиции собора — сравнительно высокие апсиды, по-видимому, также восходит к архитектуре рубеж XIV—XV вв. Трактованные достаточно массивно и мощно, с более крупной по традиции средней апсидой, сильнее выступающей на восток своим полукружием, они все были одинаковой высоты, почти достигая своими кровлями верха четверика. Более позднее односкатное покрытие XIX в., которое существовало у собора до 1930-х гг., нивелировало прежние, первоначально посводные кровли апсид, приблизительно сохранив, однако, их общую высоту. Гораздо более низкие апсиды большинства культовых построек Москвы второй половины XV—начала XVI в. обычно не поднимались на высоту более $\frac{3}{4}$ основного четверика, в то время как в раннемосковских храмах они, как правило, были более $\frac{4}{5}$. Лишь такие памятники, как Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры и Благовещенский собор Кремля оказываются близкими в указанном отношении Антониевскому собору. Но высота их апсид скорее обусловлена общей стройностью объемно-композиционного построения этих зданий, нежели следованием прежней раннемосковской традиции.

Что же касается первоначальной формы завершения четверика собора, то судить о нем довольно сложно из-за разрушения столбов со сводами и главы. Тем более что храм в XVIII—XIX вв. имел уже новое, четырехскатное покрытие,

которое запечатлели и фотографии 1910—1920 гг. Пока же остановимся на вопросе о первоначальных главах собора.

Древнейшие описи монастыря 1575 и 1585 гг. зафиксировали существование у собора не одной, а двух глав, основной и малой, дополнительной. На это двуглавие указывают и все описи XVII в. Лишь начиная с 1763 г. в описях говорится об одной большой, венчающей здание главе²¹, которая так и существовала у собора вплоть до разрушения его верха в 1930-е гг.

Отсутствие сведений о перестройках собора в XVI в. заставляет считать малую главу изначальной. Это предположение подкрепляется обращением к другим памятникам московской архитектуры рассматриваемой эпохи. Аналогичное двуглавие с основной, более крупной главой и малой, дополнительной, мы находим в таких храмах второй половины XV в., как соборы Спасо-Каменного (1481) и Ферапонтова (1490) монастырей²². А в XVI в. такое венчание в архитектуре Кирилло-Белозерского монастыря превращается в своеобразную традицию, украшая большинство выстроенных здесь храмов: Архангела Гавриила (1531—1534), Иоанна Предтечи (1531—1534), Сергия Радонежского (1560) и Иоанна Лествичника (1572), а также Воскресенский собор Горицкого монастыря (1544)²³.

При этом вторая, малая глава имела у всех вышеназванных памятников вполне определенное и одинаковое местоположение. Она была поставлена над юго-восточным углом основного четверика, что было явно связано с размещением в этом месте внутри храма придела, который, кроме соответствующей угловой ячейки интерьера, занимал также южную апсиду. Иначе говоря, малая глава выступала своего рода венчанием именно придела, снаружи здания, выявляя его существование²⁴.

Исходя из всего вышесказанного, можно с полным правом говорить о первоначальном двуглавии собора Антониева монастыря. Ведь существование при нем придела Благовещения отмечено в монастырской летописи с самого начала строительства здания в 1481 г.²⁵ Располагался же он, согласно древним записям, в южной апсиде²⁶, следовательно, малая глава собора возвышалась над ним, венчая юго-западный угол здания аналогично остальным храмам.

Если попытаться найти истоки этого двуглавия, то они опять-таки приведут нас на почву ранней Москвы. В московском зодчестве XIV—первой четверти XV в. такие «внутренние» приделы известны по целому ряду храмов (соборы Спаса на Бору 1330 г. и Чудова монастыря 1365 г., а также церковь Рождества Богородицы 1393 г. в Кремле), причем в большинстве случаев они были внешне отмечены дополнительными, малыми главами²⁷.

Натурные данные, а также история существования собора, зафиксированная в указанных ранее документах, свидетельствуют о том, что первоначально здание не имело никаких пониженных пристроек типа папертей, притворов и приделов²⁸. Все фасады его членятся по традиции лопатками на три прясла, завершенные полуциркульными закомарами. Нижняя часть стен была несколько шире, образуя небольшой цоколь с эффектным профилированным поясом в завершении, на который и опирались лопатки. Цоколь состоит из двух валиков (большого и малого) с полочками и скоцией между ними. В настоящее время он виден лишь частично, так как почти везде скрыт слоем земли и строительного мусора.

Такая система фасадных членений была характерна для московского зодчества того времени: она выступала своеобразным выражением вовне внутренней структуры храма с четырьмя столбами и перекрывающими ячейки интерьера сводами. Индивидуальный характер носила сама трактовка лопаток, отличающихся незначительной шириной, особенно сравнительно с мощными пряслами, которые, кроме того, имели различную ширину на фасадах. Так, размеры прясел на западном фасаде были 4—5—4 м, а на северном и южном, начиная с востока, 3,75—5—4,5 м.

Узкие лопатки шириной всего 80—85 см еще более увеличивали размеры прясел, лишь слегка выступая над их поверхностью (вынос всего 3 см). Из-за слабой рельефности они лишь ритмически организовывали массив четверика, отнюдь не внося в него пронизывающего динамического движения по вертикали. В связи с этим здание выглядело, подчеркнуто статичным, величественно весомым, особенно прочно стоящим на земле.

Столь узкие лопатки мы находим в раннемосковском зодчестве — в соборе Троице-Сергиевой лавры. Но там они расширяются кверху, что вместе с легким наклоном всех стен внутрь объема усиливает его перспективное сужение вверх, увеличивая тем самым иллюзорно размеры храма. Здесь лопатки равноширокие по всей своей высоте и своим равномерным ритмом как бы закрепляют незыблемую монументальность стен собора. Из современников собора узкие лопатки имеют два северных монастырских собора — Ферапонтов и Кирилло-Белозерский, относящиеся также к последней трети XV в. Особенно показателен последний памятник, также отличающийся большими размерами, массивностью и грузностью форм, отчего его лопатки казались особенно хрупкими.

Наиболее интересен в фасадных членениях собора Антониева монастыря, безусловно, карнизный пояс, который отделяет закомары от поля прясел. Проходя по верху прясел, он захватывает также и сами лопатки, будучи раскрепованным на них и поэтому играя роль их своеобразных венчающих капителей. Состоит карниз из двух полок со «смягченным» четвертным валом между ними и нависающего над ним гуська с еще одной полкой. Все эти профили вытесаны в одном блоке белого камня, по высоте равного двум блокам стеновой кладки собора; длина отдельных блоков карниза не одинакова, но во многом близка кладке стен.

Это, пожалуй, один из самых ранних известных нам примеров подобных карнизных поясов в московском зодчестве второй половины XV в. Такие пояса становятся характерными для памятников Москвы лишь с начала XVI в., в основном утвердившись в строительной практике под влиянием итальянских зодчих. Огромное воздействие на появление подобных карнизов под закомарами оказало сооружение Архангельского добора Московского Кремля в 1505—1508 гг. Из более ранних памятников с аналогичными деталями можно назвать собор Рождественского монастыря в Москве (между 1501 и 1505 гг.) и церкви Трифона в Напрудном и Рождества в Юркине (рубеж XV—XVI вв.). Правда, датировка этих храмов не особенно точна, и по своему типу они не тождественны собору Антониева монастыря: первый из них — со ступенчато пониженными угловыми частями, а два других — бесстолпные, с крещатыми сводами. Но это не меняет существа дела, ибо карнизные пояса во всех случаях завершают основной объем,

отделяя его венчающую часть и показывая тем самым декоративность ее трактовки. Отсюда начинается прямой путь к замене закомар кокошниками, никак не отвечающими системе перекрывающих интерьер сводов.

В этом отношении своего рода предтечей карнизных поясов в системе фасадного убранства второй половины XV в. можно рассматривать керамические пояса, поднятые у ряда храмов на тот же уровень, к пятам закомар. Таковы соборы северных монастырей Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского²⁹. Однако карниз четверика собора Антониева монастыря, безусловно, может считаться для московской архитектуры того времени своего рода новшеством. Более ранние примеры применения подобных карнизов пока не известны.

Не меньшей оригинальностью для своего времени являлись также большие полуциркульные закомары, венчавшие прясла стен собора над карнизом. Поставленные по три с каждой стороны, они зрительно создавали более органичный и плавный переход от четверика к завершающей мощной главе собора. Соответственно размерам прясел средние закомары имели большие размеры и слегка возвышались над боковыми, особенно над меньшими восточными на боковых фасадах. Их крупные поверхности, заключенные в выразительные по рисунку обрамления-архивольты, по площади несколько раз превышали половину круга, усиливая монументальность звучания архитектуры собора.

Поле закомар находилось в одной плоскости с поверхностью прясел стен, отделенное от нее легким карнизом. Над ним выступали профилированные дуги архивольтов красивого упругого рисунка, близкого по профилировке карнизу. Их основные обломы — четвертной вал и гусек — были явно укрупнены, а верхняя полка уширена. Опирались архивольты своими пятами на выступы лопаток с карнизными раскреповками. Между пятами, в ендовах кровли, видимо, прежде размещались водометы, не сохранившиеся из-за частых ее ремонтов.

Именно полуциркульная форма закомар и придавала своеобразие завершению собора, отличавшегося тем самым от других традиционных венчаний памятников московского зодчества указанной эпохи. Хорошо известно, что в раннемосковской культовой архитектуре использовались закомары исключительно килевидного

профиля, которые впоследствии были унаследованы и храмовыми зданиями Москвы второй половины XV в. Из московских построек этого времени лишь Успенский собор в Кремле имел полуциркульные закомары, форма которых, очевидно, была продиктована соответствующими деталями избранного образца – Успенского собора во Владимире. Да и в начале XVI в. подобные закомары применялись в зодчестве столицы лишь в отдельных постройках (собор Чудова монастыря 1501—1503 г., Архангельский собор Кремля 1505—1508 г., Покровский собор Александровской слободы 1513 г. и др.).

Никольский собор Никольский собор

Антониева Краснохолмского Юго-восточный угол здания

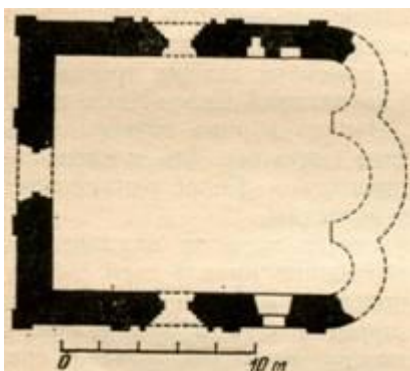
монастыря. Фото начала XX в.

1480-е годы. Вид с юга Из фондов ЛОИА

Фото начала XX в.

Из фондов ГНИМА

им. А.В. Щусева

Никольский собор. План

Достаточно своеобразно были трактованы у собора Антониева монастыря и разделяющие апсиды колонки. Они хорошо видны на одной из фотографий здания с восточной стороны до его разрушения. По сути дела, это не колонки, а столбики прямоугольного сечения, которые поставлены на раскреповки цокольного пояса, переходящего с четверика на апсиды. Они заменили здесь более привычные полуколонки, традиционные для раннемосковских памятников и очень часто используемые затем во второй половине XV и начале XVI в. Подобные замены мы встречаем иногда и в начале XVI в., как это демонстрируют апсиды церкви Рождества в Старом Симонове 1509 г.

К сожалению, утрата апсид не дает возможности судить об их завершающей части. Использовался ли здесь аналогичный четверику карниз или какой-либо иной профилированный пояс, раскрепованный над столбиками, сказать нельзя. Первое кажется предпочтительнее, принимая во внимание тот факт, что у большинства храмов XVI в., имеющих под закомарами карниз, он обычно повторяется и на апсидах.

В структуре фасадов собора важное значение принадлежит оконным и дверным проемам и их размещению. Как обычно, здание имеет три входных проема, расположенных традиционно в центре средних прясел трех фасадов — северного, западного и южного. Все они имеют форму широких проемов с пологими арочными перемычками, изнутри помещенных в крупные арочные ниши, а снаружи заключенных в нарядные белокаменные обрамления типа

перспективных порталов. Западный портал не сохранился; он был утрачен, вероятно, при сооружении или перестройке примыкавшей к этому фасаду паперти.

Порталы имеют типичную для московской архитектуры форму: чередование полуколоннок, украшенных дыньками, и прямоугольных уступов, увенчанных так называемыми сноповидными капителями, на которые опираются килевидные архивольты соответствующего профиля. Такие порталы часто встречаются в памятниках Московской Руси второй половины XV и начала XVI в. как в самой столице, так и на ее периферии (Волоколамск, Дмитров, Коломна, северные монастыри). Свое происхождение они ведут от раннемосковского зодчества, где они представляют собой одну из характернейших деталей культовых построек (Звенигородские соборы, Можайские церкви, соборы Троице-Сергиева и Андроникова монастырей, церковь Рождества в Кремле).

Порталы собора Антониева монастыря не одинаковы и различаются в первую очередь количеством обрамляющих профилей. Северный более скромный и состоит из двух полуколоннок и двух уступов, а более нарядный южный — из трех полуколоннок и двух уступов. «Наружные» полуколонки и их архивольты выступают над поверхностью фасадов, в то время как все остальные профили утоплены в глубь стен, имея еще один уступ непосредственно возле самого проема. Дыньки полуколоннок разделены на «дольки» и фланкированы сверху и снизу двумя разнонаправленными «веревочками». Такие же «веревочки» охватывают посередине и сноповидные капители, различные у северного и южного порталов. В первом случае они образованы «ложчатыми» выемками, а во втором — бороздками с круглыми ямками на концах.

Сноповидные капители — типичная деталь московского зодчества второй половины XV—начала XVI в. Они украшают порталы многих построек этого времени, в том числе соборов в Волоколамске, Киржаче и Дмитрове, в Кирилло-Белозерском и Чудовом монастырях, Благовещенского собора и церкви Ризоположения в Кремле, церкви в Старом Симонове. Однако во всех этих памятниках капители принадлежат к ложчатому типу и служат непосредственной опорой пят архивольтов. В соборе Антониева монастыря на капителях лежит еще

карниз, аналогичный по профилю карнизному поясу четверика. Он является своего рода импостом для каждой из капителей, и уже прямо на него опираются архивольты. Эта индивидуальная особенность порталов собора имеет много точек соприкосновения с раннемосковскими порталами, капители которых обычно также обладали импостами, но отнюдь не «карнизного», как в данном случае, характера.

Никольский собор. Вид с юго-запада

Никольский собор. Вид с юго-востока

Порталы были самой нарядной деталью во внешнем убранстве собора. С их подчеркнутой пышностью контрастируют ничем не украшенные оконные проемы, которые своими четкими, строго конструктивными формами великолепно соответствуют общей лаконичности архитектуры здания. Общее число окон было невелико — всего десять, причем четыре — на апсидах, а шесть — на основном четверике. Каждая из апсид имела по одному большому арочному проему в центре полукружия, а южная — еще и меньшее окно в верхней части, над нижним. Все эти проемы (за исключением малого), видимо, были расширены в позднейшее время; особенно сильно пострадал проем средней апсиды, который еще в 1799 г. для лучшего освещения храма приобрел прямоугольную форму.

Окна четверика, напротив, сохранили свои прежние формы больших арочных проемов с полуциркульным верхом. Они помещены в крупные ниши с сильными откосами как изнутри, так и снаружи стен. В самих проемах существуют еще старые решетки из толстых прямых прутьев кованого железа, круглых в сечении, образующих при пересечении квадраты.

Размещались эти окна в основном в верхней половине стен, составляя «второй свет». При этом каждый из фасадов имел свое особое расположение проемов. Так, на северном фасаде было лишь одно окно в среднем прясле, на западном — два в крайних, а на южном — одно в западном и два — в восточном. Последние были гораздо меньше по размерам и размещались в два яруса, одно над другим. Такое увеличение числа окон в этом восточном прясле, так же как и в южной апсиде, явно связано с размещением здесь придела Благовещения, который внутри имел, кроме того, второй ярус в виде «палатей».

Различное число окон на фасадах создает совершенно иное восприятие каждого из них. В то время как северный фасад кажется более суровым, замкнутым, западный и южный выглядят более открытыми и приветливыми. Значительное число их окон, безусловно, связано также с необходимостью лучшего освещения интерьера собора.

Интересно проследить некоторые особенности размещения окон собора. На северном фасаде проем поставлен гораздо выше, чем на остальных, что явно вызвано высотой находящегося под ним киля портала. Более того, он оказался даже сдвинутым к востоку с оси портала, хотя причины этого сдвига нам не совсем понятны. Два окна западного фасада и одно (в западном прясле) южного поставлены немного ниже, причем нижний уровень их проемов определяется размещением яруса внутривенных связей. Каналы этих связей хорошо видны в основании окон.

Своеобразен сильный сдвиг окон западного фасада с центра боковых прясел к средним лопаткам. Такой сдвиг проемов мы встречаем также в ряде раннемосковских памятников (собор в Звенигороде и др.). Однако он объясняется достаточно просто: изнутри окна оказываются помещенными посередине боковых частей стены, между углами и малыми подпружными арками, перекинутыми к столбам.

Все эти различия в числе и размещении оконных проемов на каждом из фасадов вносили большую свободу и живописность в четкое построение основного объема, нарушая его некоторую застылость, неподвижность и регулярность.

Гораздо сложнее обстоит дело с интерьером собора, который утратил целый ряд основных деталей и с трудом поддается «восстановлению» в своем прежнем виде. Тем более что нам не удалось обнаружить его фотографий до разрушения. Но попытаемся это сделать на основе сохранившихся частей и по описаниям.

Главное значение для определения структуры интерьера собора имеет система столбов и сводов, которая являлась исключительно своеобразной.

Как свидетельствуют самые различные описания (включая метрику 1887 г.), столбы здания были простой четырехгранной формы, без закрестий. Ширина их была довольно значительной, видимо, достигая 1,35—1,37 м. Об этом дают представление фрагменты малых подпружных арок, перекинутых между стенами и столбами и по своей ширине, очевидно, аналогичных последним. Столбы, таким образом, почти вдвое превышали по ширине фасадные лопатки, к тому же далеко

не отвечая им по своему местоположению. Оси лопаток и столбов совершенно не совпадали в связи с широкой расстановкой последних и сильным общим сдвигом их на восток, в сторону алтарной части. Об этом дают представление те же фрагменты арок на стенах. По расстоянию между ними определяется и сторона подкупольного квадрата — 4,75 м, который был довольно крупным для своего времени.

Рукава креста перекрывали коробовые своды: вверху стен хорошо заметен полукруглый контур их примыкания. Поперечный западный неф был гораздо шире восточного в связи с сильным приближением восточной пары столбов к соответствующей стене. Угловые западные ячейки имели крестовые своды, о чем свидетельствуют остатки их граненых пят в углах (особенно хорошо заметны на обмерных чертежах 1947 г.). Восточные ячейки, вероятно, были перекрыты коробовыми сводами с шельгами по линии север—юг, частично сохранив аналогичные контуры примыкания сводов на боковых стенах. О перекрытии разделенных стенками апсид коробовыми сводами с конхами говорится в метрике 1887 г. и других описаниях собора.

Не совсем ясным для нас остается лишь характер основных подпружных арок, несущих барабан главы. По всем московским традициям эти арки должны быть повышенными. Однако имеющиеся описания прямо противоречат этому, заставляя склоняться скорее к пониженным аркам. В древней описи XVI в. они описаны следующим образом: столбы, «сведенные под сводом арками»³⁰, т. е. арки явно выделялись на поверхности сводов, выступая из них. В метрике 1887 г. просто говорится о соединенных арками столбах³¹. И в том, и в другом случае речь явно идет не о ступенчато повышенных или расположенных в уровне сводов подпружных арках.

Подобная система перекрытий собора Антониева монастыря является для московской архитектуры последней трети XV в. уникальной. В культовых постройках Московской Руси второй половины XV—начала XVI в. мы вообще не находим пониженных подпружных арок, которые здесь обычно повышены или, что встречается гораздо реже, сливаются со сводами рукавов креста, как в церкви

Ризоположения в Московском Кремле. Единственным исключением из этого правила можно считать Архангельский собор Московского Кремля. Аналогичные московским подпружные арки применялись в эту эпоху и в псковском зодчестве. Лишь новгородская архитектура продолжала использовать в то время свои излюбленные пониженные подпружные арки.

Довольно необычны для Москвы 80–90 гг. XV в. и крестовые своды. Правда, в кремлевском Успенском соборе 1475—1479 гг. Аристотель Фиораванти впервые применил подобного типа своды для всех ячеек здания. Но они, по сути дела, так и не находили до начала XVI в., сколько-нибудь широкого применения в московских храмах. По крайней мере, нам не известны до этого времени постройки с крестовыми сводами. С первых же лет нового столетия они встречаются в отдельных зданиях над угловыми ячейками, о чем можно судить по собору Рождественского монастыря в Москве 1501—1505 гг. и Покровскому собору Александровской слободы 1513 г., а позднее по церквам Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила 1531—1534 гг. и Иоанна Лествичника 1572 г. в Кирилло-Белозерском монастыре. Таким образом, собор Антониева монастыря, очевидно, является первым после Успенского собора храмом на московской почве с крестовыми сводами.

Хоры в соборе, как и в подавляющем большинстве московских храмов того времени, отсутствовали. В его внутреннем пространстве была выделена восточная, алтарная часть, отграниченная иконостасом, которая включала поперечный неф и апсиды. Судя по описям XVI в., иконостас состоял из четырех рядов икон — местного, деисусного, праздничного и пророческого с праотческим³². Иконостас примыкал к восточной паре столбов с западной стороны; это подтверждают сохранившиеся на боковых стенах, ниже западных углов пят сводов, гнезда от деревянных тябел.

Остатки невысокой кирпичной стенки, примыкающей к северной стене под прямым углом в направлении северо-восточного столба (в ней по древним описям была северная алтарная дверь)³³, приводят к заключению, что первоначально в

соборе существовала алтарная преграда, на которой располагался невысокий иконостас.

Стены собора не имели внутренних лопаток против столбов. Однако все пять арок были отмечены на стенах горизонтальными профилированными полочками-карнизами. Необычно, что полочки по своим размерам превышали ширину пят. Такие же карнизы отмечали, как о том свидетельствуют описи, пять основных подпружных арок на столбах, выступая в качестве их завершений³⁴. Детали подобного типа широко использовались в московских памятниках конца XV—XVI вв. Впервые они появились опять-таки в московском Успенском соборе 1475—1479 гг., откуда позднее перешли и в другие постройки. Назовем некоторые из них: соборы Рождественского и Чудова монастырей, Архангельский собор в Кремле, церкви Кирилло-Белозерского монастыря — Архангела Гавриила, Иоанна Предтечи и Иоанна Лествичника. Показательно, что такие полочки у пят сводов применялись не только в культовых, но и в светских зданиях, как об этом свидетельствует Грановитая палата в Кремле 1487–1491 гг.

Необходимо указать, что отмеченная выше индивидуальная особенность антониевского собора — растянутость полочек по отношению к пятам — находит свое объяснение именно в архитектуре московского Успенского собора. Здесь эти детали выглядят вполне органично, так как они служат завершением слабо выступающих из стен крупных лопаток, которые по размерам оказываются гораздо шире опирающихся на них пят арок. Хотя лопатки на стенах антониевского собора отсутствуют, большая длина полочек по сравнению с пятами явно сохранена как особый прием.

Итак, можно в целом оценить архитектуру собора Краснохолмского Антониева монастыря как исключительно оригинальную для своего времени. Такие элементы, как крестовые своды, пониженные подпружные арки, полуциркульные закомары и карнизы, отрезающие их от поля прясел, а также полочки-карнизы в основании пят арок в интерьере — все это для московского зодчества второй половины XV в. представляло собой явное новшество. Ряд этих новых деталей и приемов был буквально только что перед тем введен в

строительную практику Московской Руси при сооружении Успенского собора. Собор Антониева монастыря как бы подхватывает их и развивает, идя дальше по новому пути. Он во многом предвосхищает архитектуру XVI столетия³⁵, концентрируя в себе те новые приемы и формы, которые нашли широкое распространение лишь с начала следующего века.

Правда, необходимо отметить тот факт, что типологически основа соборного крестовокупольного храма, четырехстолпного, трехапсидного и одноглавого, остается при этом прежней. Более того, она несет на себе традиционно московский отпечаток, что роднит ее с остальными культовыми постройками Московской Руси конца XV—начала XVI в. В этом смысле особенно характерны сдвиг подкупольного квадрата, а вместе с ним и главы с центра объема к востоку, несовпадение фасадных членений с интерьерными, равновысокость апсид, вторая малая глава над «внутренним» приделом, перспективные порталы с килевидным верхом и сноповидными капителями, отсутствие хор и лопаток в интерьере.

На первый взгляд кажется очень странным и непонятным, каким образом мог возникнуть в столь отдаленном от Москвы и довольно глухом месте памятник, «опередивший» столичную архитектуру в развитии буквально почти на десятилетие. Для ответа на этот сложный вопрос необходимо в первую очередь выяснить, кто же выступал в качестве ктитора собора Антониева монастыря, являлся его непосредственным заказчиком.

Как известно из монастырской летописи, собор был построен старанием основателя монастыря Антония, старца одного из Белозерских монастырей. Однако основным заказчиком, на средства которого возводился каменный храм, он явно не был. В качестве такового, очевидно, выступал кто-то из местной высшей знати того времени. Об этом прямо говорится в летописи, согласно которой «многие великие князья и боляре от имени своего в тот Антонов монастырь деньги и всякую церковную утварь непрестанно даваху и вотчины своя в предбудущая лета... отдаваху...»³⁶.

Особенно близкими монастырю были бояре Нелединские-Мелецкие, давшие землю под его основание и затем превратившие обитель в свою родовую усыпальницу³⁷. Будучи выходцами, из Польско-Литовского государства, эта фамилия пользовалась большим доверием и покровительством Василия Темного³⁸. Однако при Иване III к концу XV в. их влияние значительно падает, что не позволяет ставить вопрос об их ктиторстве. Поэтому более интересно для нас в этом плане прямое указание летописи на великих князей, за которыми в первую очередь можно видеть угличского князя Андрея Большого (Горяя). Старший из братьев Ивана III, в удел которого входил монастырь со своими землями, проявлял особое внимание к нему. Об этом свидетельствует отмеченный летописью крупный земельный вклад в обитель, сделанный князем по-смертно, в 1493 г.³⁹

В своем удельном центре Угличе князь Андрей в 70—80-е гг. XV в. развертывает обширное каменное строительство, которое прямо указывает на особый интерес его к архитектуре. Здесь в пригородном Покровском Паисиеве монастыре им создается в 1479—1483 гг. большой каменный собор⁴⁰, а в 1480-е гг. в кремле Углича строится обширный дворец с каменной тронной палатой и соборным храмом Спаса Преображения (ок. 1485 г.)⁴¹. Это крупное строительство свидетельствует, что угличский князь ни в чем не хотел отставать от своего правящего на великокняжеском престоле брата Ивана III, создав собственную дворцовую парадную резиденцию.

Заметим, между прочим, что новое дворцовое строительство в Московском Кремле началось несколько позже, в 1487 г., сооружением Грановитой палаты и продолжалось очень долго, закончившись только в 1508 г., после смерти Ивана III. Создание же дворца в Угличе, хотя и имевшего несравненно меньшие размеры, было закончено к 1491 г., когда Иван III заточил в темницу Андрея Большого, где тот и умер в 1493 г. Таким образом, дворцовый комплекс в Угличе оказался также созданным раньше московского великокняжеского дворца.

К сожалению, нам не известно, кто были зодчие и строители, работавшие в Угличе по заказу удельного князя, осуществляя его обширные строительные замыслы. Из их сооружений сохранилась только тронная палата дворца, известная

под именем палаты царевича Дмитрия, которая, кроме того, была значительно перестроена при «реставрации» Н. В. Султановым в 1892 г. Собор Покровского Паисиева монастыря был разобран в 1930-е гг., так и оставшись, по сути дела, не исследованным, а угличский собор Спаса Преображения был сооружен заново еще в начале XVIII в.

Но ни тронная палата дворца, ни оба собора в Угличе (Спасо-Преображенский известен по писцовым книгам 1674—1676 гг., а Покровский по фотографиям и обмерам, выполненным перед разборкой) не обнаруживают сходства с собором Антониева монастыря. Их архитектура отличается гораздо большей традиционностью форм, не обладая столь ярко выраженным новаторским характером. Она близка соборам северных монастырей — Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского, заставляя предполагать участие в их создании тех же ростовских мастеров. Тем более что эти здания были сооружены из одного кирпича, т. е. в совершенно иной по сравнению с собором Антониева монастыря строительной технике, без использования белого камня.

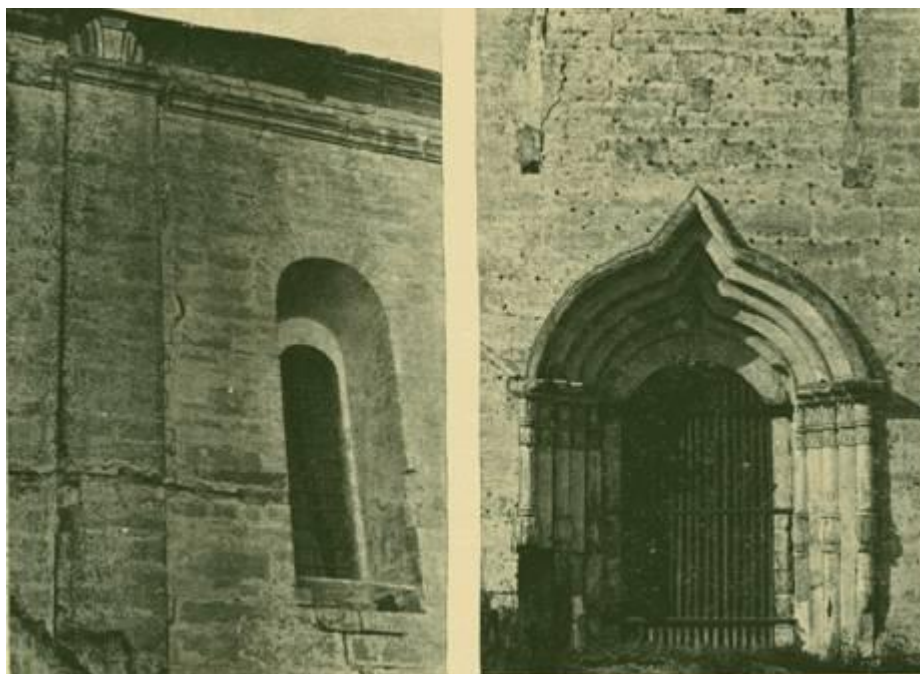
Да и само сооружение дворцовой резиденции в Угличе и пригородного монастырского собора происходило в те же 1480-е гг., по сути дела, одновременно с собором Антониева монастыря, находившегося от этого города на расстоянии более чем 90 км. Все вышеуказанное приводит к заключению, что строили антониевский собор какие-то иные мастера, чем та строительная артель из Ростова, которая, видимо, возводила дворцовую резиденцию в удельной столице и Покровский Паисиев монастырь прямо напротив нее, на другой стороне реки.

Теперь, возвращаясь вновь к своеобразным новшествам нашего собора, мы должны признать, что они могут быть отнесены в разряд итальянизмов, введенных в московскую архитектуру последней четверти XV в. приезжими зодчими — «фрязинами». Недаром все эти новшества мы обнаруживаем, прежде всего, среди деталей и форм архитектуры Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, сооруженных итальянцами. Однако время строительства храма Антониева монастыря еще не позволяет нам говорить о широком внедрении итальянизмов в творческую практику русских мастеров, об усвоении ими тех новых приемов и

форм, которые появились во фряжских постройках. Такое время наступает несколько позже, лишь с начала XVI в.

И для того чтобы объяснить появление на далеких северных рубежах угличской земли, в районах Бежецкого Верха, столь необычного памятника, нам остается лишь предположить самое невероятное — строительство собора кем-то из заезжих итальянцев. Только так становится понятным новаторский характер фряжских деталей и форм в архитектуре собора, во многом оказавшейся впереди развития московского зодчества тех лет. Только так получает объяснение и строительная техника сооружения здания — белокаменные стены и кирпичные своды, которая также имела место в работах приехавших из Италии мастеров.

Кто был этот зодчий и откуда появился он в Угличе, остается во многом загадкой. Не возникает никаких сомнений лишь в том, что он был привлечен к работе самим угличским князем Андреем Большим. Именно в 1481 г. князь возвратился из Литвы, куда он вместе с братом, волоцким князем Борисом, бежал после ссоры с Иваном III. Получив в знак примирения по договору с Иваном III во владение еще и Можайск, он вскоре начал постройку в Угличском кремле новой дворцовой резиденции и собора. Одновременно князь Андрей приступает к возведению в Антониеве монастыре каменного соборного храма, для строительства которого он и привлекает мастера-итальянца, нанятого, вероятно, в Москве.

Никольский собор Никольский собор
Фрагмент западного фасада Южный портал

Никольский собор Никольский собор
Капители северного портала Дынька южного портала

Работы по перестройке Московского Кремля с привлечением итальянских зодчих были начаты Иваном III несколько позже, в июле 1485 г., когда прибывший в это время из Италии мастер Антон Фрязин заложил стрельницу с тайником на Москве-реке, т. е. Тайницкую башню Кремля⁴². Однако на рубеже 70—80-х гг. в

Москве уже находились фряжские мастера-строители, о которых известно по различным летописным данным. Одним из них был прославленный Аристотель Фиораванти, закончивший еще в 1479 г. сооружение Успенского собора. Личность другого не установлена: известно только, что он был венецианцем и восстанавливал в 1477 г. верх собора Симонова монастыря, который «сразил гром»⁴³. Вполне вероятно, что, кроме них, в столице были тогда и другие итальянские зодчие.

Характерно, что летописи не отмечают ни одной из работ итальянцев на рубеже 70—80-х гг. XV в. в столице и ее окрестностях, хотя они должны были принимать участие в проводившемся тогда интенсивном строительстве. Даже о деятельности А. Фиораванти после 1479 г. нам почти ничего не известно, кроме участия его в военных походах на Нижний Новгород в 1482 г. и на Тверь в 1485 г. А ведь он должен был что-то строить! Тем более становится понятным отсутствие каких-либо сведений о привлечении какого-то мастера-фрязина к строительству в далеком угличском монастыре.

Возможность появления в угличских землях итальянского зодчего выглядит отнюдь не такой уж фантастичной и ирреальной, как это кажется на первый взгляд. Приехавшие на Русь «фряжские» архитекторы, видимо, довольно много ездили по ее территории, посещая не только близлежащие от Москвы города, как, например, Владимир. Об этом можно судить хотя бы по известиям о поездках самого Аристотеля Фиораванти, который в конце 70 — начале 80-х гг. побывал в Новгороде, Твери, Нижнем Новгороде и, вероятно, в ряде других городов, а также на Севере. Правда, он выступал при этом в основном как инженер и специалист по пушечному бою, принимая участие в военных походах Ивана III⁴⁴. Однако это в принципе не меняет существа дела, так как подобные поездки могли вполне послужить основой для получения заказа на какое-либо строительство вне столицы.

Кроме того, в самом Угличе и землях этого удела наш «фрязин» не был столь одинок как иностранец. Как известно, там в то же время находился знатный грек Кассиан, основавший с согласия князя Андрея Большого в 45 км к северу от

города, на правом берегу Волги монастырь — Учемскую пустынь. Личность этого грека очень любопытна и заслуживает внимания не только сама по себе, но и в свете общекультурных интересов угличского князя и его окружения.

Согласно житию⁴⁵, Кассиан был родом из Морей (Пелопоннес) и в миру носил имя Константин, имея титул князя Макувского. Он, видимо, являлся приближенным морейского деспота Фомы Палеолога, позднего потомка византийских императоров, и после его переезда в талию находился при его дворе в Риме. В 1473 г. Кассиан-Константин приехал в Москву в составе блестящей свиты дочери деспота Софьи Палеолог, которая включала «много благородных бояр же и князей, и воевод сильных, и панов же и гетманов, и детей боярских, и множество много людей, священномонахов и всяких хитрецов, и много мастеров...». После бракосочетания Софьи с великим князем Иваном III многие приближенные остались на Руси навсегда, поступив на службу к великому князю, который «даде им грады и власти великия и села во держание и в вотчину». Среди них был и князь Константин, поступивший в услужение к архиепископу Ростовскому Иоасафу в качестве боярина. После удаления Иоасафа на покой в Ферапонтов монастырь князь Константин последовал за ним, где и принял постриг с именем Кассиана. По прошествии некоторого времени он ушел из монастыря и основал на Волге, между Угличем и Мышкином, в устье р. Учмы пустынь.

Будучи, очевидно, высокообразованным человеком, Кассиан быстро приобрел большой авторитет у князя Андрея Большого и его окружения. Князь неоднократно снабжал вновь основанный монастырь денежными и земельными вкладами и часто посещал его, подолгу беседуя со старцем. Имеются также сведения, что Кассиан крестил одного из сыновей князя. Показательно, что, по житию Паисия Угличского, Кассиан присутствовал вместе с князем Андреем, его двором, угличским духовенством и гражданами города на совете по сооружению каменного соборного храма в Покровском монастыре в 1479 г., а затем на его торжественном освящении 1 октября 1482 г.⁴⁶ Наиболее ярко характеризует роль этого подвижника в духовной жизни края местная летопись: «Князь Андрей в свое княженъе дву дивных пустынножителей и преподобных отцев Паисия и Кассиана имеяше, яко

два великия светила, освещающия град Углич, и яко два столпы недвижимые во утверждение Угличу от Бога даровашася...»⁴⁷

Кассиан может быть по справедливости отнесен к тем морейским грекам, выходцам из Италии, которые оказали заметное влияние на развитие культурной жизни Московской Руси последней четверти XV в., привнеся с собой на новую родину навыки греческой книжности и образованности⁴⁸. Бесспорно, деятельность Кассиана не могла не сказаться на культурных интересах князя Андрея Большого и его ближайшего окружения. В этих условиях становится более понятным появление в Угличском княжестве итальянского зодчего, по-видимому, привлеченного из столицы Андреем Большим для строительства.

Трудно сказать, почему князь не поручил ему сооружение своего дворца и соборного храма в самом Угличе, которое как раз началось в начале 1480-х гг. Вероятнее всего, вопрос об этом был уже ранее решен князем в пользу той строительной артели из Ростова, которая заканчивала возведение в Покровском монастыре собора для игумена Паисия. Новое же каменное строительство в далеком Антониевом монастыре, на северных границах удела, было передано в руки приглашенного итальянца, который и осуществил сооружение собора, а возможно, и трапезной с храмом Дмитрия Солунского.

Анализ архитектуры собора Антониева Краснохолмского монастыря дает возможность приоткрыть еще одну неизвестную страницу в развитии зодчества Московской Руси периода сложения общерусского государства. Он помогает понять процесс становления и развития архитектурных форм во второй половине XV — начала XVI в. и роль в этом процессе итальянских мастеров, творчество которых, очевидно, далеко выходило за рамки самой столицы.

¹ См.: Некрасов А. И. Собор в Киржаче // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963. С. 217-233 (с прилож. П. Н. Максимова); Подъяпольский С. С. К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. // СА. 1966. № 2. С. 75-95; Он же. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря XV—XVI веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих: к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970. С. 437—457; Он же. Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к

строительству Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 310-319.

² Единственное упоминание об этом соборе имеется в указанной выше статье С. С. Подъяпольского «Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря XV—XVI веков».

³ Нам удалось обнаружить в фототеках ГНИМА им. А. В. Щусева (МРА. I. 4331-4333) и ЛОНА (О. 360. № 2227-2228; О. 180. № 87; О. 644. № 4) ряд фотографий 1910–1920 гг., на которых собор изображен до его частичного разрушения. Кроме того, в отделе графики ГНИМА им. А. В. Щусева хранятся подробные обмеры памятника (Р V. 238. № 1—10), сделанные студентами МАРХИ в 1947 г. (планы, фасады и разрезы), но, правда, уже после его обрушения.

⁴ См.: *Жизневский А. К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониев монастыря. М., 1879. С. 66-73; Историческая библиотека Тверской епархии. Твер: 1879. Т. 1. С. 233—245; см. также: *Анатолий.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883. С. 81-82.

⁵ О монашеской колонизации см.: *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.

⁶ См. об этом: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 70; *Анатолий.* Указ. соч. С. 62.

⁷ Правда, при отсутствии каких-либо помех, ибо в противном случае сооружение храма могло сильно затянуться. Но если бы такие затруднения в данном случае были, о них, безусловно, не преминули бы упомянуть в летописи, как это обычно имело место в источниках подобного характера.

⁸ *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 70.

⁹ См. об этом: *Анатолий.* Указ. соч. С. 5, 9—10, 22.

¹⁰ Там же. С. 10-11, 22.

¹¹ Таких описей было три: 1575, 1584 и 1585 гг. См.: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 2 и след.; *Анатолий.* Указ. соч. С. 76—77.

¹² *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 47. О времени архимандритства Варфоломея см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российских и церквей. СПб., 1877. № 734.

¹³ *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 19; *Анатолий.* Указ. соч. С. 13-14, 18.

¹⁴ *Анатолий.* Указ. соч. С. 18, 43, 20, 14, 19, 22.

¹⁵ Там же. С. 19, 20, 53.

¹⁶ Наиболее ранней фотографией, запечатлевшей собор в таком состоянии, является фото из ГНИМА им. А. В. Щусева.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Д Л., 1950. С. 76, 79, 87-89 и след.

¹⁸ См.: *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 9-16, 42-48, 99-105, 112-128 и др.

¹⁹ Подробнее об этом см. там же.

²⁰ «Внутри же стень всуцпы железные положи яко правила на вретенех, между столповъ, идеже брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все железно сковавъ положи» (ПСРЛ. Т. XX. С. 319).

²¹ *Анатолий*. Указ. соч. С. 6, 18, 19.

²² *Покрышкин Н. П., Романов К. К.* Древние здания в Феррапонтовой монастыре Новгородской губернии // Изв. археологич. комиссии. СПб., 1908. Вып. 28. С. 118—119, 122-123; *Подъяпольский С. С.* Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря. С. 442.

²³ *Подъяпольский С. С.* Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Феррапонтова монастырей. 3-е изд. Вологда, 1968. С. 22-24, 27; *Он же.* Собор белозерского Горичского монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. С. 336, 339.

²⁴ О подобных придельных главах см.: *Выголов В. 77.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство: Русь — Грузия. М., 1978. С. 72, 80; *Он же.* Архитектура Московской Руси середины XV века. С. 15, 23-24, 27-28, 55-56, 92-93.

²⁵ *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 68.

²⁶ *Анатолий*. Указ, соч С. 6, 8.

²⁷ *Выголов В. 77.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря. С. 72, 80.

²⁸ *Анатолий*. Указ. соч. С. 6.

²⁹ См. об этом: *Выголов В. П.* Русская архитектурная керамика конца XV—начала XVI вв. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 316.

³⁰ См.: *Анатолий*. Указ. соч. С. 6.

³¹ См. метрику 1887 г. по собору Антониева монастыря: Архив ЛОИА. Р. III. № 6293.

³² *Анатолий*. Указ. соч. С. 6.

³³ См. также метрику 1887 г.

³⁴ См.: *Анатолий*. Указ. соч. С. 6.

³⁵ В своем упоминании о соборе С. С. Подъяпольский прямо указывает, что он по своему облику «гораздо ближе к сооружениям начала XVI века, чем к постройкам предыдущего столетия». См. его статью в кн.: Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. С. 449.

³⁶ *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 70.

³⁷ Там же. С. 67, 68, 70, 72; Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь. 1904. С. 52-58.

³⁸ Там же.

³⁹ *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 70.

⁴⁰ Житие Паисия Угличского // ЛЕВ. 1873. Часть неофиц. № 16-22, 25 и 26; см. также: *Филарет (Гумилевский)*. Жития святых, чтимых православной церковью. 2-е изд. СПб., 1882. Вып. 6. Под 6 июня.

⁴¹ *Шляков Н. В.* Свод известий о дворце св. царевича Дмитрия в Угличе. Ярославль, 1889; *Тихомиров И. А.* Раскопки в Угличском кремле // Тр. Второго област. тверского археологич. съезда 1903 г. Тверь, 1906. Отд. 2. С. 401-422; *Михайловский Е. В.* Углич. М., 1948. С. 16-22.

⁴² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 271; см. также: *Флоря Б. Н.* Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // ГММК. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 12-14.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 195; Т. XXVIII. С. 147. Характерно, что летописи подчеркивают тот факт, что этот «венедицкий» мастер «другии, не той же, что болшую церковь Пречистыя ставит».

⁴⁴ ПСРЛ. XXV. С. 317; Т. XX, ч. 1. С. 349, 352.

⁴⁵ Житие известно в поздних списках XVII в., что вовсе не лишает сведения их достоверности. См.: Житие святого благоверного князя Константина Макнува града, что в Мореи, в схимомонахах Кассиана // ЛЕВ. 1873. Часть неофиц. № 14. С. 111-117; см. также: *Соколов А.* Учемская Кассианова мужская пустыня // ЯЕВ. 1861. Часть неофиц. № 29. С. 275-278; *Титов А. А.* Учемская Кассианова пустынь // Исторический вестник. 1895. Т. LXI. Август. С. 392-399.

⁴⁶ Житие Паисия Угличского // ЯЕВ. 1873. Часть неофиц. № 17. С. 135-136, 137-138; *Антоний*. Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1870. С. 13—16.

⁴⁷ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 98.

⁴⁸ См. об этом: *Тихомиров М. Н.* Греки из Мореи в Средневековой России // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 172-174.